

*Александр Гапоненко
(Рига, Латвия)*

ЛАТВИЙСКИЙ ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ РЕФЕРЕНДУМА ЗА РУССКИЙ ЯЗЫК

После распада СССР во вновь возникших республиках Прибалтики к власти пришли представители титульной бюрократии. Новая элита установила этнократические режимы правления, которые обеспечивали ей безбедное и монопольно устойчивое положение на вершине социальной лестницы. В качестве государственных были приняты концепции строительства «латышской Латвии», «эстонской Эстонии» и «литовской Литвы». Строительство моноэтнических наций в полиэтнических по своему составу об-

ществах реализовывалось посредством, во-первых, выдавливания части инородцев за границу и, во-вторых, ассимиляции оставшихся. Для облегчения решения этих важных государственных задач в Латвии и Эстонии большую часть инородцев лишили основных политических и социально-экономических прав — превратили в так называемых неграждан.

В роли инородцев во всех трех прибалтийских республиках изначально оказались русские и представители ряда других этносов, живущих на русской ценностной основе. Этнократические элиты пошли на ликвидацию или резкое ослабление тех социальных институтов, которые обеспечивали воспроизводство русской идентичности. Было ликвидировано высшее и резко ограничено среднее образование на русском языке. Практически прекратилось финансирование русских профессиональных учреждений культуры. Исчезло местное государственное теле- и радиовещание на русском языке. Некоторое время существовали языковые ограничения на деятельность частных рус-

скоязычных средств массовой информации. В Литве и Эстонии прекратилось издание ежедневных русских газет. Традиционные русские праздники были вычеркнуты из списка официальных выходных и отмечаемых дней. Русофобской редакции подверглись местные топографические названия. Русские потеряли право на оригинальное написание своих имен и фамилий. Русский язык повсеместно был объявлен иностранным и исключен из сферы официального общения, хотя им свободно владело все титульное население Прибалтики. На русском было запрещено обращаться в центральные и местные органы власти, проводить публичные мероприятия, вести переписку между юридическими лицами. В Латвии и Эстонии были созданы специальные комиссии, которые инспектировали предприятия и проверяли у работников знание государственного (соответственно латышского и эстонского) языка. Инспектируемым требовалось показать знание государственного языка на уровне выпускника филологического факультета. Те работники, которые не владели им в соответствующей мере, штрафовались или даже понуждались к увольнению. Язык, таким образом, был превращен из средства коммуникации в действенный инструмент дискриминации инородцев.

Основная масса титульного населения не имела каких-либо явных выгод от существующей в стране этнократической системы в целом и придания их языку статуса государственного в частности. Однако титульная бюрократия держала массы своих соотечественников в повиновении за счет постоянного возбуждения у них чувства национального превосходства над инородцами, а также обвинения русских в мнимых преступлениях советского прошлого. Русский язык и культуру правящие элиты выставляли как одну из основных угроз существованию латышского, литовского и эстонского языков.

Русские Прибалтики сопротивляются ассимиляционному давлению, борются за сохранение своей этнической самобытности. Возможность сделать это через делегирование полномочий депутатам в местных и центральных органах власти крайне невелика, поскольку в Литве русских проживает мало, а в Эстонии и Латвии очень значительная их часть не имеет прав гражданства. К тому же власти предпринимают немалые усилия для подкупа и шантажа избранных от русского населения депутатов. Поэтому чаще всего свои права русские вынуждены защищать непарламентскими методами. Так, в мае 2008 года русские Эстонии массово протестовали против надругательств над символом их национального достоинства — памятником Солдату-освободителю в Таллине. В 2003—2004 году Латвию сотрясали многотысячные митинги и демонстрации молодежи, выступавшей против при-

нудительной латышизации русской средней школы. Весной 2012 года такого же рода протесты начались в Литве и Эстонии. Уникальный по своей значимости опыт борьбы против этнической дискриминации приобрели русские Латвии в 2011 – 2012 году в ходе подготовки и проведения референдума за предоставление русскому языку статуса второго государственного.

Последовательно реализуя стратегию ассимиляции инородного населения, латышские национал-радикалы из партии «Всё Латвии» в начале 2011 года запустили референдум за полный запрет преподавания в государственных школах на русском языке. В ответ на эту инициативу русскими активистами была создана общественная организация «Родной язык», которая стала собирать подписи за проведение референдума о придании русскому языку в Латвии статуса второго государственного. В соответствии с действующей конституцией ими было собрано сначала 10 тысяч нотариально заверенных подписей. Это позволило перейти к всенародному опросу, в ходе которого были собраны подписи уже более 10 % избирателей. На основе положительных результатов этого опроса на 18 февраля 2012 года был назначен референдум.

Организаторам референдума изначально было ясно, что победить в нем не представляется возможным. Ведь русские составляют менее 40 % населения республики, да к тому же две пятых из них не имеют прав гражданства. Поэтому был выдвинут лозунг «Русские должны высказаться на референдуме в защиту своего национального достоинства. Русский язык только символ этого достоинства». Все члены русской общины республики приняли этот лозунг и участвовали в референдуме.

По итогам референдума 25 % его участников высказалось за придание русскому языку статуса второго государственного. К этому числу надо добавить 15 % населения, которые не имели возможности поддержать свой родной язык, поскольку лишены прав гражданства. В итоге получилось, что за повышение юридического статуса русского языка прямо или косвенно выступило 40 % населения — ровно столько продекларировало русский язык в качестве родного по последней переписи населения республики. В ходе крайне агрессивной, русофобской по своему содержанию пропагандистской кампании правящей элите удалось мобилизовать все латышское население и убедить его проголосовать на референдуме против русского языка. В результате вышло, что формально внести изменения в латвийскую конституцию и придать русскому языку статус второго государственного не удалось.

Тем не менее цель, которую ставили инициаторы референдума, была достигнута. Все русское население однозначно зафиксировало недовольство действующей системой этнической дискриминации и выразило желание повысить юридический статус своего родного языка. Для демократически устроенного общества результаты референдума стали бы достаточным основанием для внесения правящим большинством изменений в законодательство страны. Именно так поступили правящие английские элиты, когда предоставили статус государственного языка ирландскому меньшинству в Ирландии (30 % населения) и французскому в Канаде (23 % населения). В Швейцарии государственным языком наряду с немецким (65 % населения) является французский (18 % населения), итальянский (10 % населения) и ретороманский (1 % населения). В Бельгии государственным языком наряду с нидерландским (58 % населения) является французский (31 % населения). В Финляндии, в которой живет 91 % финнов, на собственный государственный язык имеют право 5 % шведов. В Испании государственными языками помимо испанского являются каталанский, андалузский (по 16 % населения), галисийский (7 % населения) и баскский (6 % населения).

В качестве компромисса правящая латышская элита могла бы выступить с предложением придать русскому статус не государственного, а регионального языка в местах компактного проживания русского населения — например в Латгальском регионе, где за русский в ходе референдума проголосовало 55 % населения. В этом случае вполне подходила бы модель урегулирования этнического конфликта, которая была применена в 2001 году в Македонии. По заключенным в этой стране между македонским большинством и албанским меньшинством Охридским соглашениям албанцы получили право на свой язык и на свободное развитие своей культуры в тех регионах, где их численность превышает 20 % населения.

Однако Латвия является не демократической, а этнократической страной и поэтому мнение русского меньшинства в ней не приняли во внимание. Более того, латышская правящая элита сразу же после референдума начала кампанию дискредитации активистов общества «Родной язык», предприняла шаги по усилению этнического давления на русское население, начала сворачивать действующие в стране демократические механизмы и процедуры. Складывается впечатление, что власти выбрали путь установления националистической диктатуры, поскольку только она обеспечивает сохранение в будущем этнократического строя.

С окончанием референдума борьба русских за свои права в Латвии, равно как и в других прибалтийских республиках, не закончилась, а только вступила в новую фазу. И для выработки стратегии и тактики ведения этой борьбы важно осмыслить полученный в ходе подготовки и проведения референдума за русский язык опыт. Этот опыт вкратце сводится к следующему.

1. Русские общины Прибалтики в целях защиты своей этнической идентичности и родного языка способны консолидироваться и проводить такие массовые и организационно сложные мероприятия, как референдумы. В Латвии этот опыт был изначально удачным в силу наличия в ней сильных русскоязычных СМИ. В Литве и Эстонии масс-медиа такого рода еще предстоит создать, точнее, восстановить.

2. Консолидацию русских общин и эффективное управление их деятельностью обеспечивают только те элиты, которые обладают современными знаниями и навыками управления социальными процессами, а также находятся вне поля действия этнократических систем. Старые русские элиты оказались псевдоэлитами и внести какой-либо практический вклад в консолидацию общины в ходе проведения референдума не смогли.

3. Русские общины способны бороться с этнической дискриминацией самостоятельно, опираясь только на тот инструментарий, который существует в правовых системах прибалтийских стран.

4. Проведение таких массовых мероприятий, как референдумы, ведет к дестабилизации этнократических систем, поскольку обостряет идейный конфликт между национал-радикальными и национал-либеральными правящими группировками. Этот конфликт ведет к активизации национал-либералов, которые потенциально способны пойти на компромисс с новыми русскими элитами.

5. Россия не готова оказывать поддержку своим соотечественникам за рубежом из-за отсутствия адекватного политического механизма взаимодействия с ними, а также достаточно компетентных политиков среднего звена.

6. Европейский союз демонстративно игнорирует законные права русского населения Прибалтики, поскольку их соблюдение потенциально может усилить влияние России в регионе.

7. В условиях приближения второй волны мирового экономического кризиса правящие прибалтийские элиты будут испытывать все большие проблемы с сохранением этнократического строя и дискриминацией русских. Европа и США по этой же причине не смогут оказывать им существенную помощь, как делали это ранее.